

А.Соколов. Без названия, 1995.

механические быки довольно быстро перебили всех мужчин призывного возраста, способных к воспроизведению потомства. Этот вакуум заполнили итальянские эмигранты. Сплошняком пошел гибрид, который за счет ма-

рынки сбыта - это штука совсем простая и понятная даже людям без экономического образования. Именно из-за них и застрелили в 1914 году в городе Сараево эрцгерцога Фердинанда. Поэтому и Хосе Родригес был обречен.

И в один страшный для Испании день несравненный тореро вступил в роковую схватку с начиненным динамитом крайслеровским быком. Этот бой оказался для Хосе последним. Вся Италия была объята горем. А об Испании уж и говорить не приходится...

После ухода Великого Хосе равного ему ни Андалузия, ни Гренада, ни Севилья родить не смогли. Механические быки довольно быстро перебили всех мужчин призывного возраста, способных к воспроизведению потомства. Этот вакуум заполнили итальянские эмигранты. Сплошняком пошел гибрид, который за счет ма-

каронного воспитания уже не отличал быка от сеялки. Короля упразднили и насадили мафию. Да такую, что у сицилийских аборигенов глаза на лоб полезли. В стране возникли предпосылки сталинизма. А Всемирному обществу защиты животных в своей нью-йоркской штаб-квартире на все это глубоко наплевать!

СИМБИОТИК

Памятуя о том, что свет от далеких звезд доходит к нам уже после их смерти, собирався воочию убедиться в существовании Уссурийской тайги, где тигры, корень жень-шень и симбиоз человека с природой, которая может запросто высосать яд из змеиного укуса, обсеять сжатую голову озимым волосом или еще что-нибудь, что в последнее время стало для него необходимо, как хлеб... как прорыв блокады. Поэтому в данный момент смолил лыжи, подшивал свежей дратвой дедовы унты, доводил на оселке рыболовные крючки и еще много чего, что его соседям Вяликовым может присниться лишь в кошмарном сне про раскулачивание их коммунальной квартиры. Однако предполагавшийся симбиоз требовал не только физической, но и духовной работы. Поэтому не только перестал здороваться с Вяликовыми - где они раззатякие в тайге родимой сыщутся - но и в ванне стал мыться не запираясь. А когда окончательно подготовился: на вокзал стал ходить, расписание изучать, к тарифам примеряться, так даже палец, на пилораме оставленный, как-будто отрастать начал. То есть боль в нем какая-то беременная открылась, и ладонь стала сама собой по магнитным линиям земли располагаться. А ночью, когда спал с приоткрытым ртом, то оттуда вместо храпа выходил фосфоресцирующий свет. Правда, может, от того, что чистить зубы перестал, но вполне вероятно и иные, метафизические, причины. Во всяком случае с таким феноменом за пределами Уссурийской тайги человечество еще не сталкивалось. И вот счет уже пошел не на месяцы и дни, а на минуты, оставшиеся до отхода плацкартного вагона, где на верхней полке он приготовился к отбытию в симбиоз, намертво сцепив зубы, чтобы не вышибло стартовым рывком, свернувшись в позу эмбриона, упершись подбородком в грудь, а лбом в колени, вонзаясь ногтями в линии сердца, ума и жизни, рассасывая "барбариску" и беспрерывно сглатывая перепады высотного давления, обрастая колеблющимся маревом мгновенно высыхающего пота...

А потом действительно была Уссурийская тайга. Были тигры, корень жень-шень, величественные закаты, вспенивающиеся нерестающей рыбой реки, мудрый язык зверей и искренность трав, животворящие дожди и Отец-Солнце, летние купания и лесной чай долгими зимними вечерами... Был симбиоз! Был, а иначе какой бы скотиной я был, если бы пожалел для этого исстрадавшегося и расконопаченного человека пяти строчек красивых слов.

ДИАЛОГИ "ЦИРКА" ОЛИМП

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ДАМА ГОВОРИТ ПО-РУССКИ

(об одной премьере прошедшего года)
"Если жизнь - это сон, что такое театр?"
Херберт Блау "Подтянитесь"

Решение сызранского драматического театра пригласить к себе для постановки пьесы П.Кальдерона "Дама-невидимка" мексиканского режиссера Марио Лосано Аламийа и английского балетмейстера Лизу Марию Холлоуэй было довольно рискованным, ибо никто не мог предсказать результатов этого эксперимента: языковой барьер и различия театральных школ могли оказаться слишком сильными. Но спектакль получился. Знакомое содержание вдруг обрело новую и необычную для большинства зрителей форму. Русские актеры сыграли мексиканский вариант средневековой испанской пьесы.

ИЗ РАЗГОВОРОВ В ПЕРЕРЫВАХ МЕЖДУ РЕПЕТИЦИЯМИ:
Марио: Я хотел приблизить ваш, российский, театр к испанскому театру времен золотого века - у входа горят факелы, на балконе сидит король. Именно для него актеры играют спектакль. Но король не видит, что происходит за кулисами. А зритель видит. Так средневековый испанский театр сближается с мексиканским народным театром. Наш народный театр - это карнавал, освобождение от условностей. На

карнавале можно все. Можно даже свергнуть короля. Это будет по-русски, правда?

Марио Лосано Аламийа разделил пространство сцены на две территории: территорию Кальдерона и территорию хаоса. На каждой из них действие развивается по-разному: на территории Кальдерона - в соответствии с текстом пьесы, на территории хаоса - с логикой развития человеческих взаимоотношений. На территории Кальдерона актеры играют спектакль, на территории хаоса они затевают бунт против Короля. Кстати, сам Король (а точнее - его большая черная шляпа, которую видно всем) - связующее звено между двумя территориями: актеры постоянно оглядываются на него независимо от того, где находятся. На территории Кальдерона актеры произносят текст пьесы, на территории хаоса у них слов нет, они выражают свои эмоции мимикой, жестами.

ИЗ РАЗГОВОРОВ В ПЕРЕРЫВАХ МЕЖДУ РЕПЕТИЦИЯМИ:
Лиза: Чтобы поставить спектакль на иностранном языке необязательно знать этот язык. Вполне достаточно того, что актер умеет владеть своим телом и голосом. Все на свете можно выразить интонацией и движением. У нас в антракте играет оркестр, в котором нет ни одного музыкального инструмента, тем не менее, мы слышим мелодию и видим музыкантов, потому что актеры владеют голосом.

Режиссер и балетмейстер создали не просто спектакль, а ПРЕДСТАВЛЕНИЕ (англ.: performance). Его участниками невольно становятся не только актеры, но и зрители. Пространство представления не ограничивается сценой, а охватывает весь театр: действие развивается также в зрительном зале и в фойе, не прекращаясь даже на время антракта. Отличительной чертой этого представления, в соответствии с замыслом режиссера, стала КАРНАВАЛЬНОСТЬ. Заметим, что ни Марио Аламийа, ни Лиза Мария Холлоуэй Бахтина не читали. Позже мексиканец полностью согласился со словами русского философа, что "карнавал - это вторая жизнь людей, организованная на начале смеха." Для карнавала принципиально осмеяние традиций, именно поэтому, когда взбунтовавшаяся актриса влезает по веревочной лестнице на балкон и срывает черную (королевскую!) шляпу, то обнаруживает, что под ней - пустота. Кроме того, только на карнавале можно на глазах у всех сменить средневековый костюм на современный или остаться в шортах и корсете, или в джинсовой куртке и со шпагой на боку. И еще, у спектакля "La Dama Duende" ("Дама-невидимка") два финала: первый - помолвка героев Кальдерона и второй: возглас артистки, сорвавшей шляпу с короля: "Никого нет!", потому что "карнавал - это праздник, который смотрел в незавершенное будущее".

ИЗ РАЗГОВОРОВ В ПЕРЕРЫВАХ МЕЖДУ РЕПЕТИЦИЯМИ:
Марио: Жизнь - это сон, а театр - его тень. Я хотел показать, что у каждого актера своя жизнь, свои сны и свой театр. Для меня главное в представлении - его теоретическая основа. Прежде, чем поставить спектакль, я прочитываю множество книг. "Дама-невидимка" начиналась в библиотеке в Монтеррее, а в Сызрани получила свою материальную оболочку. Лиза: Цель любой постановки - выразить свое "я" (англ.: identity). Человек не стоит на месте в своем развитии, он постоянно меняется, поэтому для каждого спектакля приходится искать новую форму, новый путь. Сейчас мы увидели "Даму-невидимку" такой, полгода назад она выглядела бы совершенно иначе. Как ни странно, вместе с формой изменяется содержание спектакля. И снова Марио: Конечно, мы разные. Но найти общий язык не так уж трудно, нужно только захотеть. Тем более, что слова "актер", "сцена" и "театр" звучат одинаково и по-испански, и по-английски, и по-русски...

Барбара Панфилова